

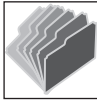
И.М. Хладениус и исходные моменты историографии XIX в.

Ю. Д. АРТАМОНОВА

При всей традиционности и общности сведений об Иоганне Мартине Хладениусе (1710–1759)¹ есть все-таки момент, существенно отличающий его от других, не зачисленных в классики современников, – устойчивый, без волн моды и забвения интерес к его трудам в XX в.² Корень этого интереса просматривается легко.

¹ Родился в 1710 г. в семье протестантского пастора, занявшего в год рождения сына должность профессора теологии «*cathedra Lutheri*» в Виттенберге. Домашнее образование, Виттенбергский университет, по окончании которого в 1732 г. юный магистр теологии начинает читать лекции по философии; на основе своей магистерской диссертации «*De sententiis et libri Sententiosus*» пишет книги «Всеобщее искусство толкования» и «Практическая логика»; с 1735 г. читает лекции по теологии; с 1742 г. – профессор церковной истории в Лейпциге; в период с 1744 по 1748 г. – директор академической гимназии в Кобурге; в это время выходит в свет книга «Священная логика», с 1748 г. – профессор теологии, риторики и поэтики Эрлангенского университета; на основании курса лекций «*Argis historica*» выпускает фундаментальное исследование «Всеобщая наука истории».

² В 1910 г. А.С. Лаппо-Данилевский анализирует идеи Хладениуса об исторических суждениях в своей фундаментальной работе «Методология истории». В 1916 г. выходит статья Г. Шпета «Первый опыт логики исторических наук». Двумя годами позже в «Исторических штудиях» появляется основательная статья Х. Мюллера «И.М. Хладениус. Вклад в науки о духе, особенно в отношении исторической методике». Вторая половина века – обстоятельное исследование «Преподавание истории в университете Эрлангена с основания (1743) до 1933 года» с характеристикой одного из первых ее преподавателей. В 1969 г. Л. Гельдзецкер переиздал труд Хладениуса «Введение к правильному истолкованию разумных речей и произведений» в замечательной серии «*Instrumenta Philosophica*», целью которой является «вновь дать читателям в распоряжение старые произведения, которые представляют философское знание своего времени в терминологическом, библиографическом, методологическом и энциклопедическом аспектах». В 1979 г. выходит исследование К. Фридриха «Язык и история. К исследованию герменевтики И.М. Хладениуса». В 1985 г. он же предпринимает попытку переиздания «Всеобщей науки истории» с обширнейшей вступительной статьей к ней. Все более или менее систематизированные истории герменевтики не обходятся без параграфа об эрлангенском профессоре, к примеру: *Hadamar H.G. Wahrheit und Methode* (1970); *Klassiker der Hermeneutik. U. Nassen hrsg.* (1982); *Кузнецов В.Г.* Герменевтика и гуманитарное познание (1987); *Betti E. Allgemeine Auslegungslehre* (1967) и т.д.

В штудиях Хладениуса исследователи видят не только хронологический, но и содержательный «мостик» между Просвещением и «историческим» XIX в., и «мостик» этот ведет не к позитивизму и не к панлогизму гегелевского типа, а к той эмпирической историографии, образцы которой даст нам блестящая историческая школа в лице Б.Г. Нибура, Ф. Гизо, Т. Карлейля, Э. Берка, Я. Гримма и др. Та историческая школа, которой В. Дильтей даст четкую характеристику: «В исторической школе утвердились чисто эмпирические способы исследования, любовное углубление в специфику исторического процесса, такой универсализм при рассмотрении исторических явлений, который требовал определения ценности отдельных фактов только в общем контексте развития, и такой историзм при исследовании общества, когда объяснение и закон современной жизни отыскивались в изучении прошлого, а духовная жизнь везде и всегда ощущалась как историческая»³.

Если попытаться кратко изложить основной результат штудий Хладениуса, то это введение в научный оборот нового понятия – «точка зрения». Сейчас оно настолько прочно вошло не толь-

ко в научный, но и в обыванный язык, что мы забыли о тех исканиях и баталиях Просвещения, которые позволили появиться этому понятию. Тезис о том, что существует абсолютная точка, с которой мир открывается так, как он есть, встречается еще у энциклопедистов. Если бы основы любой науки «было бы столь же легко выявить, как и изучить... тогда человеческий ум, участвующий в высшем разуме, смог бы увидеть все знания как бы собранными с единой точки... Но нам много не хватает для того, чтобы мы сумели достичь ее»⁴. Это из «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера.

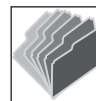
Открытия естественных наук – как взгляды с «абсолютной» точки зрения. Однако это – большая редкость. Авторы «Энциклопедии» сетуют: «Большая часть наук складывалась постепенно; гениальные личности одну за другой открывали некоторое число истин, а эти истины способствовали открытию новых... Стала ощутимой трудность что-либо добавить, и не только потому, что творческие умы очень редки, но еще и вследствие того, что первые шаги, сделанные рядом блестящих умов, создают трудности для последующих...»⁵

Поэтому «Энциклопедия» – истинные сообщения об откры-

³ Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Соч. М., 2000. Т. I. С. 272.

⁴ Основы наук // Философия в «Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера». М.: Наука, 1994. С. 382. Обратим внимание, что русский переводчик передает разные понятия («de principe», «de point» etc.) современным понятием «точка зрения». Не так уж он не прав из своей исторической перспективы, однако лучше оставить выражения подлинника, что мы и сделали, обрубив вторую часть словосочетания «точка зрения» в цитатах.

⁵ Там же. С. 383–384.

тиях с целью «установить их исходные пункты и, таким образом, облегчить исследование того, что еще не открыто»⁶, «изучение основ наук, облегчая одаренным умам изучение уже известного, тем самым побуждает их привнести скорее нечто свое»⁷. Это своего рода программы настройки «правильного» видения вещей, подъема до той самой абсолютной точки зрения. Немецкое Просвещение оперирует здесь простой метафорой – настроить свой «умственный микроскоп». Ведь, взглянув в ненастроенный микроскоп, мы все равно что-то увидим, однако только при четкой настройке мы увидим четкое изображение, с которым можно дальше работать. Пафос Просвещения – поиск «правильных» точек зрения и «настройка» по ним своего видения. Именно в этом видят свою задачу Дидро и Д'Аламбер, берясь за создание «Энциклопедии» – свода правильных точек зрения.

Но в результате история будет разделена на собственно историю (т.е. истинное изложение действительно имевших место фактов) и басню (т.е. сообщение о фактах, которых в действительности не было). Понятно, что по большей части исторические труды принадлежат ко второму роду.

Немецкое Просвещение и прежде всего Г.В. Лейбниц (последователем которого считает

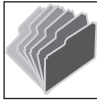
себя Хладениус) попытается «работать» с этими несовершенными точками зрения. Знаменитые пассажи о монаде как живом зеркале универсума и разъяснение: «И как один и тот же город, если смотреть на него с разных сторон, кажется совершенно иным и как бы перспективно умноженным, таким же точно образом вследствие бесконечного числа простых субстанций существует как бы столько различных универсумов, которые, однако, суть только перспективы одного и того же соответственно различным точкам зрения каждой из монад»⁸, – будут перетолковываться учениками. Хладениус и будет автором классического определения: «Точка зрения – это внешнее и внутреннее состояние зрителя в той степени, в какой оно является определенным видом восприятия и рассмотрения имеющих место вещей». И предложит программу исторических штудий, базирующихся на этом понятии.

Обратим внимание, что «точка зрения» понимается в тот момент предельно широко – от положения глаз наблюдателя относительно предмета (мы по-разному видим книгу, лежащую на столе, если смотрим на нее сверху или присев на корточки) до общей степени развитости (писарь и дипломат, участвующие в международном конгрессе, представ-

⁶ Проспект к Энциклопедии // *Философия в «Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера»*. М. : Наука, 1994. С. 48.

⁷ *Основы наук*. С. 396.

⁸ *Лейбниц Г.В. Монадология* // Соч. В 4 т. М. : Наука. Т. 1. С. 422–423.

ляют себе суть происходящего (по-разному). Этот шаг даст возможность появиться «науке истории». Но это будет не история, написанная «абсолютным наблюдателем». Это будет история, написанная обычными людьми с их заблуждениями и ошибками, но и с их жаждой истины. «Связь историзма и субъективизма», т.е. взаимозависимость между степенью душевной организации и

характером видения мира, и будет исходным ключевым моментом не только историографии, но и других форм культуры XIX в.⁹, позитивизм же и гегельянство – двумя дериватами единого потока, пытающимися упростить за счет примата одной из сторон сложную связь душевной жизни и окружающего мира.

⁹ См., например, тонкое исследование В.Н. Топорова об исследовательских и литературных идеях Н.М. Карамзина (*Топоров В.Н. О «Бедной Лизе» Карамзина. К двухсотлетию со дня выхода в свет // Н.М. Карамзин. Pro et contra. Антология.*, СПб.: Изд-во РХГА, 2006) или методологические рассуждения И. Тэна (*Тэн И. Философия искусства.* М.: Республика, 1996).